

ОБЪЯСНЕНИЕ И ИСПРАВЛЕНИЕ

нѣкоторыхъ темныхъ и испорченныхъ мѣстъ древнѣйшей Русской лѣтописи.

Я. К. ЭРБЕНА.

Читано въ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности.

Древнѣйшая русская лѣтопись, приписываемая обыкновенно Печерскому монаху Нестору, еще недавно извѣстна была въ Чехіи и Моравіи (даже между образованными и учеными, исключая немногихъ) почти единственно по неконченному и исполненному ошибкѣ нѣмецкому переводу Шлецера и Мюллера. Это происходило частью отъ того, что оригинальный текстъ у насъ очень рѣдокъ, частью же по причинѣ языка Нестора не вездѣ понятнаго и самихъ предметовъ его повѣствованія, не говоря уже о многихъ темныхъ и испорченныхъ мѣстахъ, которыхъ вовсе нельзя было понять. А между тѣмъ, по моему мнѣнію, для каждаго и мѣтѣ образованнаго Чеха важно знакомство съ величественнымъ праотцемъ Славянской исторіи, который стоитъ выше Чешскаго Козмы (Cosmas) не только искреннею простотою своего разсказа (онъ не старается подражать древнимъ классикамъ напыщенными, учеными фразами), но преимущественно тѣмъ, что лѣтопись свою онъ написалъ на языкѣ своего народа, на языкѣ Славянскомъ. Поэтому я рѣшился въ 1862 г., когда Русскіе праздновали тысячелѣтіе существованія своего государства, осуще-

ствить давнее свое желаніе: чтобъ мы, Чехи, имѣли вѣрный переводъ всей лѣтописи Нестора, на свидѣтельство котораго именно основывалось упомянутое празднество.

Итакъ я началъ переводить эту лѣтопись по тексту Лаврентьевской рукописи, какъ онъ изданъ Археографическою Комиссіею, и черезъ нѣсколько времени, при другихъ своихъ занятіяхъ, кончилъ этотъ переводъ, но такъ, что нѣсколько мѣстъ, гдѣ я не могъ добиться настоящаго смысла, оставались сомнительными. Желая разрѣшить свои недоумѣнія, я сравнилъ свой трудъ съ изданіемъ Миклошича (появившимся въ Вѣнѣ въ 1860 г. подъ заглавіемъ: *Chronica Nestoris*) и нашелъ, что нѣкоторыя его толкованія и исправленія текста, на сколько они касаются смысла, дѣйствительно удачны и естественны. Нашлось однакожъ нѣсколько менѣе годныхъ и кромѣ того осталось довольно много испорченныхъ мѣстъ, которыхъ Миклошичъ не объяснилъ и не исправилъ. Скоро послѣ того я познакомился съ первымъ томомъ «*Monumenta Poloniae Historica*» Бѣльскаго, изданнымъ въ Львовѣ въ 1864 г., гдѣ между прочимъ находится и хроника Нестора, изданная Вагилевичемъ по Ипатьевской рукописи съ Польскимъ переводомъ А. Бѣльскаго. Тогда я сравнилъ свой переводъ съ Ипатьевскимъ текстомъ и полъ своимъ переводомъ обозначилъ всѣ важнѣйшія различія въ содержаніи Ипатьевской и Лаврентьевской рукописей.

При этомъ я впрочемъ убѣдился, что Вагилевичъ, издавая текстъ Ипатьевской рукописи, по большей части руководствовался изданіемъ Миклошича, не прибавивъ отъ себя къ своему изданію никакого существеннаго исправленія испорченныхъ мѣстъ, такъ что все, что Миклошичъ оставилъ сомнительнымъ, осталось и здѣсь не разъясненнымъ. Такимъ образомъ я былъ обманутъ въ надеждѣ найти въ этихъ новѣйшихъ изданіяхъ, вышедшихъ изъ рукъ опытныхъ знатоковъ древне-Славянской литературы, по крайней мѣрѣ текстъ лѣтописи Нестора окончательно исправленнымъ. Не желая въ своемъ переводѣ какъ бы въ потемкахъ добиваться на удачу какого нибудь смысла, какъ вы-

шеупомянутые Нѣмецкіе и Польскій переводчики, я рѣшился самъ попытаться исправить испорченныя мѣста такъ, чтобъ смыслъ ихъ былъ естественъ и подходилъ къ остальному тексту рукописи. При этомъ принесла мнѣ большую пользу многолѣтняя опытность, пріобрѣтенная мною при изданіи Чешскихъ сочиненій по древнимъ рукописямъ, такъ какъ недостатки древнихъ переписчиковъ, не смотря на другой способъ написанія и другой языкъ, вездѣ одинаковы.

Свои исправленія вмѣстѣ съ ихъ оправданіемъ я помѣстилъ въ примѣчаніяхъ. Но такъ какъ я не могу надѣяться, что на мою незначительную книгу обратятъ вниманіе и въ Россіи, уже потому, что нельзя требовать, чтобы каждый, кто въ состояніи судить объ этомъ предметѣ, зналъ также по Чешски; то я счелъ своею обязанностью и въ отношеніи къ древнему достопочтенному автору хроники, и въ отношеніи къ родственному народу Русскому (въ которомъ имѣю честь лично знать многихъ благородныхъ и достойныхъ людей, благоволеніе которыхъ для меня въ высшей степени дорого), предложить свои исправленія и мнѣнія на счетъ нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ Русскимъ ученымъ на ихъ родномъ языкѣ—единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ они легче могли на нихъ обратить вниманіе, если со временемъ приступятъ къ новому изданію Нестора. При этомъ я прибавляю, что приведенныя здѣсь мною мѣста относятся къ изданію той же лѣтописи, предпринятому Археографическою Комиссіею въ Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей, томъ I.

1) Стр. 13, строка 4: «по двѣнадцать гривнѣ на *ключь*». Слово *ключь*, соключитися, Чешское *rota* (рота), *srotiti se, spolčiti se*, есть переводъ Скандинавскаго слова *var*, Англосакс. *vaer*, и означаетъ во первыхъ *клятву*, потомъ *союзъ людей, скрѣпленный клятвою*. Отъ этого слова, какъ извѣстно, происходитъ Сканд. *Vaeringar*, въ средневѣковой Латини *Varingi*, по Греч. Βαράγγοι, по Русски *Варази*, по Чешски *rotnici*, Лат. *foederati, sacramento conjuncti*. Др.-Чешская *rota* состояла изъ 6, 10, 50 даже 100 человекъ. У Нестора *ключь*, какъ кажется, значитъ 40 человекъ,

т. е. отдѣлъ воиновъ на одномъ кораблѣ, судя по словамъ, приведеннымъ не много выше: «дань даяти на 2000 кораблѣй..... а въ корабли по 40 мужъ.»

2) Стр. 13, строка 2: «посла къ нима въ городъ *Карла*, Фарлофа, Велмуда» и т. д. и дальше на той же страницѣ, стрк. 31: «Мы отъ рода Русскаго, *Карлы*, Инегелдъ. Фарлофъ» и т. д. Въ Шведскомъ языкѣ слово *Karl* означаетъ вообще мужа, и въ болѣе отдаленномъ значеніи героя, воеводу, государя. Въ Германскомъ языкѣ перешло это слово съ одной стороны въ собственное имя *Karl*, съ другой оно перешло въ слово *Kerl* съ дурнымъ значеніемъ *холопа*. Изъ собственнаго имени императора Карла Великаго, какъ кажется, произошло Литов. *Karalus*, Чеш. *Král*, Польс. *Król*, Рус. *Король* и т. д.

Если мы обратимъ вниманіе на то, что это слово оба раза стоитъ въ началѣ передъ именами Русскихъ пословъ, гдѣ можно естественно ожидать какое нибудь общее названіе, означающее санъ названныхъ лицъ, какъ на пр. въ январѣ 945 года (стр. 19, ска 34): «мы отъ рода русскаго *сзми и юстѣ*: Иворъ» и т. д. и что передъ тѣмъ лѣтописецъ ясно говоритъ: «Посла Олегъ мужа свои построити мира», то можно полагать, что въ обихъ упомянутыхъ мѣстахъ слово *Карль* надобно понимать въ первоначальномъ его значеніи: *мужъ*.

И такъ будемъ писать: «посла къ нима въ городъ карла Фарлофа» и т. д. и дальше: мы отъ рода русскаго карли Инегелдъ» и т. д. Какое было положеніе этихъ мужей (карли), принадлежащихъ къ княжеской дружинѣ, ясно изъ изслѣдованія академика И. И. Срезневскаго: «Чтенія о древнихъ Русскихъ Лѣтописяхъ», СПб. 1862, стр. 38.

А. Бѣлѣвскій доказываетъ на стр. 849 по Арцибышеву, что и пятое имя упомянутого договора: «*Гуды*» обозначаетъ гражданскую должность, сравнивая это слово съ Шведскимъ *gods, gud*; а на стр. 890 полагаетъ, что нужно читать: «*Буды*» т. е. земледѣльцы, свободные держатели земли. Но это имя встрѣчается и въ договорѣ 945 года: «Алвардъ (солгъ) Гудовъ», гдѣ

не можетъ быть никакого сомнѣнія, что оно означаетъ того самаго боярина, который въ 912 г. самъ былъ посломъ въ Царѣградѣ.

3) Одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ въ договорѣ съ Греками 912 года встрѣчается на стр. 15, стрк. 16—21, которое можно объяснить и отчасти и исправить слѣдующимъ образомъ: «Егда же требуетъ (вамъ Грекамъ) на войну ити, егда потребу (ратную) творите, и си (Русь) хотятъ почестити (своею службою) царя вашего, да аще въ кое время елико ихъ придетъ и хотятъ остати у царя вашего своею волею, да будутъ. О Руси и полонныхъ многажды отъ коея любо страны пришедшимъ и продаемымъ въ крестьяны, еще же о Християнѣхъ полонныхъ многажды отъ коея любо страны приходящимъ и *продаемымъ* въ Русь: се продаемы бывають по 20 золота, и да придуть въ Греки. *Се же и о Руси*». Какъ Миклошичъ старался объяснить это мѣсто, см. у него на стр. 202.

4) Стр. 23, стрк. 10: «въ церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ конецъ *Пасынчъ бесѣды* и Козарѣ».

Карамзинъ думалъ, что *Пасынчю бесѣдой* и *Козарами* назывались двѣ улицы или части древняго Кіева (I примѣч. 359); Максимовичъ же и другіе полагають, что это были два предмѣстія древняго Кіева на сѣверо-восточной покатости горы, въ сторонѣ къ Подолу (Закрев. 122 и 137). Но на горѣ древняго Кіева, ни въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны находиться полагаемыя предмѣстія, нѣтъ никакого ручья съ церковью св. Ильи.

Бесѣда означаетъ вообще мѣсто, гдѣ бесѣдуется (срав. Стрелов. *баяти*, отъ чего *баснь*; Скрт. *bhas*, говорить, *bhasita*, Мадьярск. *beszéd*, рѣчь); въ древне-Чешскомъ языкѣ *besѣdou* называется публичная площадь, Лат. *forum*, ubi tractantur causae, compositum, trivium. *Пасынкъ*, Чеш. *pasunek* или *pastorek*, означаетъ сына не роднаго, но оставшагося у одного изъ супруговъ отъ прежняго брака. Названіе *Пасынчѣ бесѣда* не имѣетъ впрочемъ никакого реального значенія, а только случайное отъ какого-то *пасынка*. Кто этотъ пасынокъ или эти пасынки, и почему отъ

нихъ имѣеть названіе какое нибудь мѣсто народнаго собранія, того опредѣлить никто не можетъ. Я думаю, что слова *пасыньчи* ошибочно написано вмѣсто *пасимъчи* или *пасыньчи* бесѣда. *Razinek* (пасынькъ) въ Моравіи и Словенскѣ означаетъ пастбище (отъ *pasu* (пасу), *rasej* (пасынь) пастбище); слѣдовательно *пасыньчи* бесѣда есть мѣсто на пастбищѣ, гдѣ обыкновенно происходили вѣча или сеймы. И у Поляковъ въ древнія времена происходили сеймы на пространной равнинѣ передъ Варшавой; и извѣстное Словенско-Мадьярское *rakos* (ракошь) или *rokos* (рокошь) (срв. гок, гоковати), гдѣ на сеймѣ были избираемы короли Венгерскіе и обсуждались государственныя дѣла, теперешняя ярмарка, тоже не что нибудь другое, какъ поле или пастбище съ ручьемъ и горой близъ Пешта. И потому надобно *Пасыньчю бесѣду* полагать на бывшемъ пастбищѣ Кіевскомъ, на Подолѣ, такъ какъ и лѣтописецъ пишетъ: «при церкви св. Ильи надъ ручьемъ» т. е. Почайною, гдѣ до сихъ поръ стоитъ церковь св. Ильи, по древнему преданію именно на мѣстѣ бывшаго деревяннаго собора того же святаго. Позже на томъ же мѣстѣ, гдѣ была *пасыньчи бесѣда*, было *торжище* (или лучше древнее слово *бесѣда* замѣнено словомъ *торжище*), куда Кіевляне, какъ въ древнія времена, сходились на вѣче. Князь Изяславъ въ 1069 г. перевелъ это торжище на гору, въ древній Кіевъ; но въ 1146 г. сошлись всѣ Кіевляне, по древнему обычаю, на сеймъ опять на Подолѣ близъ Туровой божницы, какъ повѣствуетъ Ипатьевская лѣтопись.

5) Стр. 24, стрк. 14: «Они же (Древляне) сѣдяху въ *перегъбъхъ* въ великихъ *сустуахъ* гордящеса». Слова *перегъбы* и *сустуи* обойдены, насколько мнѣ извѣстно, во всѣхъ словаряхъ древне-Славянскаго языка. *Перегъбы*, *прыгъбы*, Чеш. *přehuby*, тоже *záhuby* и *fásy* на одеждѣ, Нѣм. Falten, Лат. plicatura vestis; *сустуи*, *сѣстуи*, въ Чеш. формѣ: *sstuhu soustuhu* (съ-съ-тугъ = тжгъ), иначе *spinadla* (пряжки), Нѣм. Spangen, Лат. fibulae.

Широкая верхняя одежда съ фалдами и большими пряжками до сихъ поръ еще въ употребленіи въ разныхъ мѣстахъ у Славянъ, и когда-то ею пользовались и ихъ сосѣди. *Bergé* въ своемъ

сочиненіи: «Sagen und Lieder des Tscherkessenvolkes», Leipzig 1866, стр. 33, упоминаетъ объ одномъ каменномъ памятникѣ IV-го столѣтія послѣ Р. X., который на берегу рѣки Этоко въ теперешней Кавказской области стоитъ на могилѣ, имѣя видъ молодаго мужа, въ одеждѣ похожей на теперешній черкесскій бешметъ и застегнутой четырьмя четверугольными пряжками.

6) Стр. 24, стрк. 30: «(Ольга) повелѣ отрокомъ своимъ *ити* на ня (на Деревляны»). Миклошичъ, стр. 33, поправляетъ: *ити* на ня; но я полагаю, что переписчикъ пропустилъ *о* между *и* и *и*, и слѣдовательно должно быть: *поити* на ня.

7) Стр. 64., стрк. 6: «и приде Якунъ съ Варягы, и бѣ Якунъ *слѣпъ*, луда бѣ у него золотомъ исткана».

Въ Польскомъ переводѣ: «A był Akun *ślepy*». Мнѣ кажется неестественнымъ, чтобы *слѣпой* воинъ во время войны могъ наслаждаться прекрасною, золотою одеждою, не говоря уже о томъ, что едвали бы онъ отправился далеко за море воевать. Чешскій Жижка, конечно, былъ также слѣпъ и воевалъ въ Венгріи, но онъ единственно старался спасти свое войско. Простой, естественный смыслъ получаетъ это мѣсто, когда мы его читаемъ вотъ какъ: «и бѣ Якунъ съ лѣпъ». Понимать это можно такъ, что онъ былъ красивой наружности, хорошъ собою, и, какъ за такими людьми водятся, онъ кромѣ того любилъ роскошно одѣваться. Это былъ Якунъ или Гакунъ Анундъ, династа, т. е. король Шведскій, сынъ Олафа династы (+ 1024), шуринъ Ярослава Владиміровича, Русскаго Князя, который имѣлъ супругою сестру Якуна, прекрасную и мудрую Ингегерду.

Scripta historica Islandorum, VI, стр. 1, дѣлаютъ о ней слѣдующее замѣчаніе: «Constat regem Jarizlaum et reginam Ingigerdam, regis Olavi Svevici filiam, omnium feminarum sapientissimam, formaeque venustate conspicuam, regno Gardorum (срав. Новъ-городъ) imperasse». Якунъ Анундъ царствовалъ отъ 1014 до 1051 г. и слѣдующее мѣсто того же сочиненія, Scripta hist. Isl. VI. стр. 320, показываетъ, что онъ совсѣмъ не былъ слѣпъ:

«Juvenes (два царевича изъ Норвегiв) in Sveciam pervenerunt ad dynastam quendam, nomine Hasonem, a quo ut reciperentur, petierunt. Dynasta, *aliquantum temporis eos intuitus, tardius respondebat; tandem permissio hospiti, nullo eos honore habuit*. Но невѣрное чтенiе *smъ* должно было находиться уже въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ, такъ какъ Симеонъ, епископъ Владимiрскiй (1215—1226), начинаетъ свое сочиненiе объ основанiи Печерскаго монастыря слѣдующими словами: «Бысть въ земли Варяжской князь Африканъ, братъ Акуновъ *smъ*, иже отбѣжа золотыя руды (вм. луды) бияся полкомъ по Ярославѣ съ лютымъ Мстиславомъ» и т. д.

8) Стр. 96, стрк. 13: «незнаемою странною, *языкомъ испаленымъ*, назн ходяще и боси»; въ Польскомъ переводѣ: «*językiem spalopu*». Здѣсь не можетъ быть рѣчи объ языкѣ или устахъ изсохшихъ отъ жажды, потому что немного передъ тѣмъ лѣтописецъ говоритъ о голодѣ и жаждѣ: «въ алчи и жажи и въ бѣдѣ опустивше лица»; лѣтописецъ здѣсь намекаетъ на чужую, неизвѣстную *страну* и на ея грубый, варварскiй *народъ*, у котораго въ плѣну жили Русскiе люди. И по этому слѣдуетъ читать: «языкомъ испольнымъ» въ свирѣпомъ народѣ или между свирѣпымъ народомъ (языкъ = народъ, а испольнъ отъ исполь или исполнинъ = челоувѣкъ огромнаго роста, свирѣпый).

9) Стр. 101, стрк. 13: «аще ли кто васъ можетъ инѣмъ *устити*» должно читать *устити*, Лат. *prodesse*.

10) Стр. 101, стрк. 40: «како птица небесныя *изъ ирѣя* идуть, и первѣе въ наши руцѣ»; въ Польскомъ переводѣ: «*jak ptactwo niebieskie ciagnie z poludnia*». Миклошичъ къ этому мѣсту на стр. 217 сдѣлалъ слѣдующее замѣчанiе: «*ирѣе vox ignota; первѣе въ наши роуцѣ quid significet, nobis quidem non liquet: in первѣи fortasse latet verbum парити*». Слово *ирѣ* или *ириѣ* происходитъ отъ Греческ. ἴρι или ἔαρ—весна, Чеш. *jarо*; *изъ ирѣя*—весною. «Первѣе въ наши руцѣ» надо понимать, что птицы, прилетая съ юга черезъ Черное море, останавливаются *во перовы* въ южной Руси, гдѣ ихъ и ловятъ.

11) Стр. 102, стрк. 44: «узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостью, и рече». У Миклошича на стр. 151: «оузрѣвше сольце, прославити Бога, съ радостію рече». И въ изданіи Бѣлѣвскаго, стр. 872: «оузрѣвше слъньце, и прославити Бога съ радостиж, и рече». Владиміръ научаеъ своихъ сыновей, что они должны дѣлать, когда солнце восходитъ, и какъ имъ молиться; вотъ что они должны сдѣлать: «прославити Бога съ радостью, рекуще: просвѣти очи мои» и т. д. Причиною невѣрнаго чтенія рече было вѣроятно сокращеніе въ рукописи.

12) Стр. 103, стрк. 24: «и азъ шедъ съ Черниговци и съ Половци». Такъ читается во всѣхъ изданіяхъ, но не смотря на то, я полагаю, что слѣдуетъ читать: «съ Черниговци на Половци». Этого требуетъ смыслъ цѣлаго мѣста, если мы сообразимъ, что предшествуетъ и что слѣдуетъ; далѣе ничего нѣтъ, что бы подтверждало или на основаніи чего по крайней мѣрѣ мы могли бы судить, что тогда Половцы помогали Владиміру противъ Половцевъ.

13) Стр. 103, стрк. 42: «и пакы по отни смерти и по Святополку на Сулѣ бившеса съ Половци». Такъ читается во всѣхъ изданіяхъ ошибочно вмѣсто «и по Растиславѣ», т. е. братъ Владиміра, который скоро послѣ смерти отца своего погибъ въ рѣкѣ Стугнѣ (1093 г.); Святополкъ, дядя Владиміра, умеръ не раньше 1113 года, а другаго Святополка въ то время, именно въ 1094 г., въ которомъ произошло сраженіе на Сулѣ, въ родствѣ съ Владиміромъ не было.

14) Стр. 104, стрк. 13: «ноли ол убиха». Къ этому мѣсту подъ текстомъ сдѣлано примѣчаніе, что это выраженіе непонятное, вѣроятно испорченное писцемъ. Миклошичъ пишетъ тоже такъ; Вагилевичъ же читалъ: «изъ ли семьдесятъ ли оубиха», привакая букву о за цифру 70; въ Польскомъ переводѣ: «lecz tylko około 80 (!) ubilišmu». Я читаю это мѣсто вотъ какъ: «но они ны убиха, т. е. они бѣжали отъ насъ, перѣдъ нами (убыти-выбыти-уйти, исчезнуть); поэтому непосредственно за симъ слѣдуетъ: «и не постигохомъ ихъ».

15) Стр. 104, стрк. 34: «а изъ Чернигова вышедъ, и до... лѣта по сту уганивалъ и имъ даромъ, всею силою, кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемъ ловилъ есмь всякъ звѣрь»; подъ текстомъ замѣчено, что «на серединѣ листа прорвана дырочка». Миклошичъ на стр. 155 читаетъ текстъ такъ же; но на стр. 218 онъ замѣчаетъ: «имъ даромъ; fortasse legendum оударомъ, caesim; далѣе: кромѣ иного лова, кромѣ Турова, non intelligo; fortasse тоурова, i. e. лова; про иже legendum videtur идеже». Въ изданіи Вагилевича и Бѣльскаго читаемъ: «и до... лѣта по сътоу оуганивалъ (късмъ) и имъ даромъ, всею силою, кромѣ иного лова, кромѣ тоурова, иже и т. д.» Въ Польскомъ переводѣ опять небрежно: «i do... lata po sto uganiałem wszystkimi siłami i rozdarowywałem prócz innego połowania, prócz łowów na tury z ojcem moim wyprawianych, łowilem wszelki zwierz». Такъ какъ это испорченное мѣсто насъ почти всего болѣе затрудняетъ, считая лишнимъ поговорить объ немъ подробнѣе. При чтеніи этого мѣста въ изданіи Археограф. Комиссін прежде всего бросается въ глаза, что глаголу «уганивалъ» не достаётъ вспомогательнаго *късмъ*, которое Вагилевичъ въ своемъ изданіи отъ себя приписалъ въ скобкахъ. Но стоитъ только внимательнѣе посмотреть на послѣдующія, нарушающія смыслъ, два слова *и имъ* и стянуть ихъ въ одно *имъ*, чтобъ догадаться, что въ нихъ и есть не достающее «късмъ», и что дополненія въ скобкахъ не нужно. Далѣе возникаетъ вопросъ: что это былъ за могучій звѣрь, котораго Владиміръ долженъ былъ ловить *всею силою*? Здѣсь прежде всего приходитъ на умъ опасная охота на туровъ (буйволовъ), любимое занятіе древнихъ князей и бояръ Русскихъ и другихъ: такъ въ Краледворской рукописи, въ стихотвореніи о турнирѣ хвастается Здеславъ, что его прадѣдъ «zbi diva tuga» (убилъ дикаго, лютаго тура) и въ память того носить голову тура на длинномъ копьѣ. Итакъ само по себѣ ясно, что вмѣсто слова *даромъ* надо читать *туромъ*, нерѣдкій въ Старославянскомъ дательный вмѣсто родительнаго. (Срав. на пр. 29, стрк. 16: сего ради примутъ царствіе *красотъ* и вѣнецъ *добротъ* отъ руки Господня,

вмѣсто *красоты* и *доброты*). Это объясненіе подтверждается слѣдующими за тѣмъ словами, гдѣ Владиміръ говоритъ, что онъ кромѣ туровъ убивалъ еще и другихъ звѣрей съ своимъ отцемъ. Археографическая Комиссія при словахъ «кромѣ иного лова кромѣ турова» конечно имѣла въ виду городъ Туровъ, но уже Миклошичъ и Вагилевичъ поправили эту ошибку. — Остается только возстановить слово, уничтоженное вслѣдствіе упомянутой порчи пергамента. На основаніи всего исправленнаго уже мѣста это не трудно. Владиміръ рассказываетъ, что онъ убивалъ *по сту* туровъ. Выраженіе «*по сту*» означаетъ, что это случалось всегда въ извѣстный срокъ; и такъ какъ этотъ срокъ здѣсь обозначенъ словами: «до лѣта», то это мѣсто не можетъ имѣть инаго значенія, какъ что Владиміръ каждый годъ, именно *до конца* каждаго года, пока онъ былъ въ Черниговѣ, убивалъ такое количество туровъ. И потому я читаю это мѣсто такъ: «и до конца лѣта по сту уганивалъ *есмз туромз* всею силою, кромѣ иного лова, кромѣ турова, иже» и т. д.

16) Стр. 106, стрк. 16, вмѣсто: «ли того ся каю» лучше: «а ли того ся каю»; перев: «если я согрѣшилъ.... такъ раскаиваюсь».

17) Стр. 109, стрк. 8: «и видѣ Олегъ, яко поиде стягъ Володимерь, нача заходити въ тылъ его, и убоявсь побѣже Олегъ». Точно такъ у Вагилевича, стр. 788, и у Миклошича, стр. 163, съ тѣмъ единственно различіемъ, что Миклошичъ вмѣсто «видѣ» поставилъ: «видѣвъ». Въ Польскомъ переводѣ: «A Oleg widząc, że chorągiew Włodzimierzowa naprzód postępuje, począł zachodzić ją z tyłu, i ułakłszy się usiekił Oleg». Смыслъ этого мѣста и въ подлинникѣ и въ переводѣ понятъ наоборотъ. Олегъ не началъ заходить въ тылъ знамени Владиміра, но знамя Владиміра заходило ему въ тылъ, потому и испугался Олегъ, видя врага не только передъ собою, но и съ тылу, и побѣжалъ. И потому читаю: и видѣ (или видѣвъ) Олегъ, яко поиде стягъ Володимерь, и (яко) нача заходити въ тылъ его, убоявсь побѣже Олегъ».

18) Стр. 112, стрк. 34: «то вдамъ ти которой ти городъ любъ: любо Всеволожь, любо *Шеполь*, любо *Перемиль*». Вмѣсто *Шеполь*

нужно читать Теревовль, какъ догадывается и Никоновская Лѣтопись (П. С. Р. Л. IX, стр. 133); тѣмъ только и получаетъ смыслъ послѣдующее мѣсто, гдѣ Василько говоритъ про Давида: «но се-му ми дивно, даетъ ми городъ *свой* (Теребовль): а *мой* Теревовль, *моя власть!*» Василько получилъ городъ Теревовль отъ Всеволода, какъ и братъ его Володаръ городъ *Перемышль*, но Давидъ хотѣлъ присвоить себѣ оба города. Изъ этого видно, что нужно здѣсь также читать *Перемышль* вмѣсто *Перемиль*.

19) Стр. 115, стрк. 16: «такъ множицею убивая сбиша ъ (Угры) *съ мячь*; Бонякъ же раздѣлися на 3 полкы, и сбиша Угры акы *съ мячь*, яко се соколь сбиваетъ галицѣ». Въ этомъ мѣстѣ большое затрудненіе составляетъ два раза повтѣряющееся выраженіе «въ мячь». Ипатьевская рукопись, пропуская его на первомъ мѣстѣ, говоритъ: «такъ множицею избиваше я; второе же мѣсто Польскій переводчикъ переводитъ такъ: «*bili Węgrów jak piękę*». Но мнѣ не довольно ясно, какое сходство имѣетъ игра въ мячь съ поражениемъ враговъ, чтобъ оно равнялось второму, вполне годному сравненію: «яко се соколь сбиваетъ галицѣ». Никоновская рукопись вмѣсто перваго выраженія «въ мячь» имѣла первоначально «въ мечь» и на второмъ мѣстѣ «въ клубъ» вмѣсто «въ мячь»; но ни то, ни другое не помогаетъ и доказываетъ только, что уже писецъ Никоновской рукописи не понималъ того слова. Миклошичъ полагаетъ, что второе «въ мячь» или въ «клубъ» можетъ означать то, что Латинское *in turba conferta* (въ тѣсной кучѣ); этому объясненію однакожъ мѣшаетъ не только винительный падежъ слова *мячь* (необходимо бы было «въ мячи»), но и предшествующее ему *акы*, которое указываетъ на сравненіе. При этомъ Миклошичъ замѣтилъ, что все второе мѣсто: Бонякъ. . . . въ мячь *omittendum videtur*. Такъ конечно исчезло бы затрудненіе! — Не значить ли слово «мячь» на обоихъ мѣстахъ то, что *мячь* = мякоть-каша? которое потомъ можетъ хорошо стоять съ «акы» и безъ «акы», какъ въ народномъ Чешскомъ выраженіи: «*Робили nebo potřeli je na kaši*» или «*jako na kaši*» (сколотили ихъ въ кашу или какъ въ кашу). Это подходило бы къ

другому подобному выраженію въ лѣтописи Нестора (стр. 119 стрк. 7): «разсѣкоша ѿ на улы». Такимъ же образомъ въ народной Русской пѣсни (Пѣсни собр. П. Н. Рыбниковымъ I, стр. 92) исполниль бусурманъ хвастаясь говорить Ильѣ Муромцу:

Я бы его на долонь поклагь.

А другой-то рукой сверху прижагь:

Да тутъ бы съ него блинъ стагь.

20) Стр. 115, стрк. 14: «бѣ бо Угорь числомъ 100 тысящъ» и потомъ ниже стрк. 20: «глаголаху бо, яко погигло ихъ 40 тысящъ». Эти цифры могли только по ошибкѣ одного изъ переписчиковъ войти въ текстъ хроники Нестора. Длугошъ, въ Hist. Poloniae IV 329, пишетъ объ этомъ сраженіи, либо по какому нибудь другому источнику, либо, что всего вѣроятнѣе, по какой нибудь болѣе исправной рукописи хроники Нестора, слѣдующее: «Воевода Каломанъ удалися безъ всякой потери; рассказываютъ, что въ тотъ день Угорь убито четыре тысячи, а другія четыре тысячи бѣжали». По этому извѣстію всѣхъ Угорь было восемь тысячъ; это число хорошо подходитъ къ числу Русскихъ воиновъ, которыхъ было четыре тысячи. Но вовсе невѣроятно, чтобы такое незначительное количество Русскихъ воиновъ побѣдило непріятельское войско, состоящее изъ 100,000 чел. (по Никонов. рукоп. даже 120,000!) въ открытомъ полѣ и равнымъ оружіемъ. вмѣсто слова «осьмъ» рукописи Нестора переписчикъ легко могъ читать и написать «сьто», такъ какъ количество буквъ въ обоихъ словахъ одинаково и буквы сами въ древнихъ рукописяхъ представляютъ нѣкоторое сходство (о съ с, с съ з, м съ т, и з съ о); и принявъ число 100,000, онъ не могъ уже довольствоваться 4000 погибшихъ, такъ какъ оно при такомъ огромномъ количествѣ сражающихся не можетъ быть рѣшающимъ. слѣдовательно, считая его невѣрнымъ, онъ старался его исправить тѣмъ, что вмѣсто 4000 написалъ 40,000. Слова Длугоша: *quatuor millia.... caesa referuntur* дѣйствительно, кажется, были только переводомъ словъ Русскаго лѣ-

тописца: «глаголаху бо, яко погнблѣ ихъ чѣтыри тѣсящи» и достаточно подтверждаютъ мнѣніе, что извѣстіе Длугоша почеркнуто изъ какой нибудь болѣе исправной, но теперь неизвѣстной рукописи хроники Нестора.

Вотъ важнѣйшія мѣста, которыя я хотѣлъ отмѣтить.

О менѣе важныхъ исправленіяхъ, какъ на пр. кое гдѣ въ разстановкѣ знаковъ препинанія, потомъ о поясненіи нѣкоторыхъ менѣе понятныхъ мѣстъ добавленіемъ слова въ скобкахъ, не буду здѣсь распространяться. Далѣе считаю также ненужнымъ говорить о томъ, какія исправленія упомянутыхъ позднѣйшихъ издателей въ подлинномъ текстѣ хроники Нестора я принимаю, находя ихъ удовлетворительными: не сомнѣваюсь, что редакция критическаго изданія лѣтописи Нестора, когда такое въ Россіи будетъ предпринято, сама обратится къ этимъ изданіямъ и воспользуется ими, на сколько ей покажется полезнымъ.
